

Становление человеческого в человеке – императив отечественного образования

В.И. Слободчиков,

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией психологической антропологии Института психолого-педагогических проблем детства Dir-irdorao@yandex.ru

В статье рассматривается возможность диалога современной научной психологии и духовной православной традиции. Постулируется необходимость гармонизации таких систем знаний о человеке, как христианская, психологическая и педагогическая антропологии. Отмечается, что только в свете согласованного и целостного знания о высшем назначении человека, о закономерностях и путях становления человеческого в человеке возможно обустроить пространство современного отечественного образования. Однако намечаемые сегодня перспективы его модернизации делают саму вероятность плодотворного диалога православия, психологии и педагогики ничтожно малой.

Ключевые слова: психологическое знание, православная антропология, психология развития, отечественное образование, антропопрактика.

В самом начале я хотел бы обозначить, по крайней мере, два принципиальных *рассогласования* между святоотеческим наследием и современным психолого-педагогическим знанием.

Святоотеческое наследие огромно и оно не может напрямую сопоставляться со всем корпусом психолого-педагогических знаний – просто потому, что они *несоизмеримы*. Поэтому нас в данном случае должна интересовать та целостная часть этого наследия, которая именуется *христианской антропологией*. В этом случае несоизмерность уменьшается, но не исчезает.

С одной стороны, мы имеем учение о человеке – как о духовно-душевно-телесной монаде, с другой – учение об одном из его свойств, учение о психическом. Ну и как их можно сопоставлять, как сопоставлять субстанцию с акциденцией? Последнюю, скорее, нужно освящать в духе христианской антропологии, я бы сказал – *воцерковлять*, а не сопоставлять.

Однако она – психика и психология как знание о ней – до сих пор, за малым исключением, не воцерковляется, и даже недоумевает по поводу таких призывов. Я думаю, что подобное, действительно, невозможно до тех пор, пока в системе традиционной так называемой общей психологии не будет выстраиваться собственно психологическая антропология. А основания для такого строительства в современной психологии уже есть и

довольно существенные. Это – суть первого рассогласования, на которое я хочу обратить ваше внимание.

Второе рассогласование связано с такой реальностью, которое объемлется категорией развитие. Некоторые богословствующие священники мне говорят, что в православном учении о человеке нет понятия «развитие», есть лишь представление о происхождении и об изменениях.

И в самом деле. В христианской антропологии человек рассматривается в масштабе Священной Истории, и, говоря словами о. Александра Шмемана, в трех базовых интуициях: *творения* (или – происхождения), *падения* (или – деградации) и *спасения* (преображения, даже сильнее – обожения) человека.

В свою очередь, в психологических теориях психические явления человека (подчеркну, не самого человека, а его психических особенностей) рассматриваются в интервале его индивидуальной истории (биографии) и в масштабе обстоятельств его личной жизни. Здесь – без всяких интуиций – отслеживаются такие изменения, как созревание нейропсихических структур и процессов, как их *становление* (т.е. как обретение культурных форм). Например, можно различить созревание речедвигательного аппарата и *становление (обретение)* членораздельной речи. И третий тип изменений – *преобразование* психологических структур (как уже необратимые изменения, скажем – метаморфоз; сюда же можно отнести и многообразные инсайты, ага-реакции, падения пелены с глаз и многое тому подобное). Названные три типа изменений психики человека как раз и именуется общей категорией «развитие».

Очень похоже, что так понимаемое в психологии развитие, а главное – *такое* понимание того, что развивается, имеют, в лучшем случае, лишь косвенное отношение к православному учению о человеке. И тем не менее, если хотя бы в какой-то мере наш диагноз общей ситуации реалистичен, то вопрос-то остается: что делать или, хотя бы, в каком направлении двигаться?

На мой взгляд, в поиске оптимального ответа на эти вопросы, должен сложиться умный, терпеливый и доброжелательный союз научной психологии, педагогики и православного богословия. Принципиально необходима *гармонизация* (а не бесплодный параллелизм или – разрушительные несогласия) систем знаний о человеке: союз *христианской антропологии* как учения о происхождении, назначении и абсолютных смыслах жизни человека, *психологической антропологии* как учения о закономерностях развития человека в интервале его индивидуальной жизни и *педагогической антропологии* как учения о путях становления базовых способностей, сущностных сил человека в универсуме образования. Кстати, нелишне будет напомнить, что в переводе с

древнелатинского одно из значений слова «гармония» – *согласие принципиально разногласного*.

Именно в свете такого – согласованного и целостного – знания о высшем назначении и призвании человека, знания о закономерностях и путях становления «собственно человеческого в человеке» возможно обустроить пространство современного отечественного образования как наиболее естественное и адекватное место Встречи, место плодотворного диалога **православия, психологии и педагогики**.

Однако готово ли само наше образование к такой встрече и такому дискурсу? Или же это – только головная боль богословов, научных психологов и теоретиков образования? *Мой ответ на этот главный вопрос – отрицательный*. Современное образование в его существующем формате и в намечаемых перспективах его модернизации напрочь отрицает и саму эту встречу, и, тем более, – ответственное, содержательное обсуждение этих перспектив. Только две иллюстрации, подкрепляющие мой отрицательный ответ.

Первая иллюстрация. Чем должно было бы стать введение в общеобразовательную школу основ православной культуры? Очевидно, что ее (подчеркну – культуры, а не информации о ней) вхождение в содержание общего образования имеет совсем не то же значение, что имело некогда вхождение в это содержание, например, информатики или обществоведения. С православной культурой в школу входит самое главное, самое фундаментальное учение о Мире и Человеке, которое может высветить, а с Божией помощью и просветить другие системы рационального знания о Человеке и Мире, позволит обнаружить их частичность, а часто – неистинность этих знаний.

Но не только изменения в характере самих знаний, изменения могут произойти и в самом духовно-нравственном строе школы. Школа, просвещенная светом Православия может обрести совсем другой уклад жизни, может стать соборным единством, где главнейшим субъектом образования будет не администратор-менеджер, даже в виде учителя, а детско-взрослая учебно-профессиональная *со-бытийная образовательная общность*. Школа может стать пространством хранения и механизмом трансляции ценностей и смыслов отеческой культуры, пространством СТАНОВЛЕНИЯ ПОДЛИННО личностного способа жизни человека, а не местом купли-продажи образовательных услуг.

Но именно в такое место и пытаются превратить современное образование. А православная культура – конечно, не без помощи функционеров от образования – все более вырождается либо в примитивное религиоведение, либо подменяется светской этикой, которая большинством населения понимается как *этикет*. Подлинной встречи православной культуры с педагогикой (я уж не говорю – с психологией) не получается, а без специальных усилий с нашей стороны может и вообще не получиться.

Вторая иллюстрация. В интернете сегодня уже представлен образ «Нашей новой школы», «Школы будущего», «Школы XXI века» и т.п. в виде **дорожной карты общественно-политического фортсайт-проекта – «Детство 2030»**, который достаточно активно поддерживается функционерами высокого ранга и в Общественной Палате, и в Администрации Президента. Обозначу лишь наиболее яркие замыслы и упования этого «проекта».

Так вот, детям 2030 г. не нужно будет учить иностранные языки, потому что уже к 2014 году широко распространится портативное устройство, которое за счет синхронного голосового перевода позволит *непосредственно* общаться людям, говорящим на разных языках. Появится устройство для загрузки информации непосредственно в кору головного мозга. Дети смогут получать образование через Интернет и освоить там любую профессию — таким образом, школы и вузы могут оказаться не нужными уже к 2025 году. К этому же времени появится возможность программировать способности и полезные качества детей. Их *воспитанием* смогут заниматься роботы. Ну, и тому подобное. Кому интересно, могут узнать подробности в Интернете.

Именно эти два обозначенных мною момента вынуждают меня усомниться в возможности и плодотворности *Встречи* православия, психологии и педагогики на площадке налично существующего отечественного образования. Однако ситуация может оказаться еще более удручающей, если не будут предприняты усилия по кардинальному переосмыслению самого понятия «образование».

Оно должно пониматься и осваиваться как особая *философско-антропологическая* категория, фиксирующая фундаментальные основы жизни человека и форму становления «человеческого в человеке». **Образование – это атрибут бытия человека**, а не утилитарно-служебная функция социума. И в этом – базовом – смысле образование является всеобщей культурно-исторической формой становления сущностных сил человека, его родовых способностей, обретения им образа человеческого в пространстве культуры и во времени, истории.

В антропологически ориентированном образовании, в образовании, понятом как особая антропопрактика, как практика вочеловечивания человека, речь должна идти не о формировании его разрозненных знаний, умений, способностей, компетенций, которые только и востребованы социально-производственными системами и которые легко утилизируются этими же системами. А когда у человека за душой ничего больше нет, кроме перечисленного набора свойств, то он так же легко и, главное, – целиком может стать таким же предметом утилизации.

И это не случайно так. По сей день главным ориентиром сложившихся принципов и форм организации образования остается тщательная подготовка выпускника для

использования его в этих самых социально-производственных системах. Сегодня речь уже идет о «профессиональной» (в кавычках, конечно) подготовке дошкольника к школе, младшего школьника – к старшей школе, старшеклассника – к профессиональной школе и т.д.

В образовании же как антропологической практике главным целевым ориентиром и главным образовательным результатом является способность человека к саморазвитию – во всех его духовно-душевно-телесных измерениях: как жизнеспособного индивида, как субъекта собственной жизни и деятельности, как личности во встрече с Другими, как уникальной индивидуальности перед лицом Абсолютного Бытия, перед Богом.

Еще раз и другими словами, развитие **собственно человеческого в человеке – это становление и манифестация индивидуального духа**. Это приобщение молодого человека к его родовой человеческой сущности, способность и возможность следовать высшим образцам человеческой культуры, нравственным принципам, способность к утверждению ценностей отеческой истории и традиций, к практическому преобразованию действительности, основанных на любви к качеству жизни и воле к совершенству во всех ее областях. Достичь подобного возможно только совместными усилиями христианской антропологии, педагогики и психологии развития человека.

Formation of the human in man - an imperative of national education

V. I. Slobodchikov,

Doctor of psychology, professor, corresponding member of the Russian Education Academy, head, laboratory of psychological anthropology, the Institute of Psychological and Pedagogical Problems of Childhood Dir-irdorao@yandex.ru

The article analyzes the possibility of a dialogue between modern scientific psychology and spiritual Orthodox tradition. The necessity of harmonization of such systems of knowledge about man as Christian, psychological and pedagogical anthropologies is posited. It is noted that only in the light of coordinated and integral knowledge of the higher destination of man, of laws and ways of formation of the human in man, is it possible to develop the space of modern national education. But the prospects of its modernization which are drawn today make the very probability of a fruitful dialogue between Orthodoxy, psychology and pedagogics negligibly small.

Keywords: psychological knowledge, orthodox anthropology, developmental psychology, national education, anthropopractice.
